

Андрей ГРОЗИН

СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГОСЕКТОРА РЕСПУБЛИК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ Часть 1: Казахстан

Дата поступления в редакцию: 20.05.2021.

Для цитирования: Грозин А. В., 2021. Состояние, проблемы и риски развития энергосектора республик Центральной Азии. Часть 1: Казахстан. – Геоэкономика энергетики. № 2 (14). С. 111–123. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_111

В цикле статей* автор анализирует внутри- и внешнеполитические тенденции последнего времени, существенно влияющие на текущее состояние и перспективы дальнейшего развития топливно-энергетических секторов Казахстана, Узбекистана и Туркмении – государств Центральной Азии, обладающих значительными запасами углеводородного сырья. Данная статья посвящена текущей ситуации в ТЭК Республики Казахстан.

Разворачивающийся процесс обострения геополитической и геоэкономической конкуренции на мировой арене существенно повышает уровень рисков, актуализирует прежние и генерирует новые проблемы экономического развития центральноазиатской республики. Автор оценивает влияние этих процессов на перспективы внешнеполитических и внешнеэкономических стратегий развития и общерегиональную стабильность. Отдельно автор рассматривает и оценивает основные проблемы, существующие в ТЭК республики, указаны перспективные направления их возможного разрешения и смягчения.

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571.

Ключевые слова: Центральная Азия, Казахстан, Узбекистан, Туркмения, Россия, Китай, Турция, США, энергетика, газ, нефть, месторождения.

* Перспективы дальнейшего развития топливно-энергетических секторов Узбекистана и Туркмении будут освещены в следующей части исследования (*Прим. ред.*).

В условиях мировой геополитической турбулентности регион, сталкивающийся с многочисленными вызовами и угрозами экономической и социально-политической стабильности, оказывается в ситуации чрезмерной зависимости от глобальных игроков на мировом геоэкономическом поле. Следовательно, такой регион будет вынужден корректировать ранее сложившиеся модели экономического развития и внешнеполитического позиционирования.

Докризисная мировая энергетическая ситуация расширяла возможности социально-экономического развития республик Центральной Азии (ЦА). При этом возраставший спрос на энергоносители в странах Европейского союза, Южной и Юго-Восточной Азии давал надежду, что в ближайшие одно-два десятилетия будет сохраняться значительный рост объёмов иностранных инвестиций, добычи и транспортировки центральноазиатских нефти и газа на мировой рынок. Эти надежды, однако, не оправдались, что поставило страны региона, обладавшие значимыми энергетическими ресурсами, в сложное положение.

Существенное влияние на ситуацию с развитием топливно-энергетического сектора стран Центральной Азии оказывают и объективные геоэкономические параметры. Топливо-энергетический сектор — ключевая отрасль мировой экономики с большим рынком и темпами роста в смежных отраслях (нефтехимия и пр.). Три республики ЦА обладают конкурентными преимуществами лишь на базовом уровне: у них имеются существенные объёмы дешёвого сырья.

Нефтегазовое сырьё в Казахстане, например, остаётся примерно на 30 % дешевле, чем в России, и почти на 50 % дешевле, чем в ЕС [Мелибаев, 2019]. Основные препятствия для текущего развития ТЭК стран региона — сложная логистика доступа на основные рынки, необходимость значительных капиталовложений на фоне обострения борьбы за доступ к мировым инвестициям, сравнительно низкий уровень технологического развития и применения инноваций, недостаточный уровень компетенций в области сбыта и маркетинга и т. п.

Высокий уровень негативного влияния на перспективы развития «петростейтов»* Центральной Азии имеют и уже ясно обозначившие себя тенденции глобальной качественной перестройки энергетических рынков. Ввиду зелёной сделки** и целей по сокращению выбросов в атмосферу углерода весь новый газ, поступающий в Евросоюз, необходимо будет декарбонизировать (избавлять от CO_2). С каждым месяцем всё меньше вероятность

* Нефтяное государство (Прим. ред.).

** Принятая Брюсселем в 2019 г. стратегия на ближайшее тридцатилетие, нацеленная на формирование в Европейском союзе так называемого углеродно-нейтрального пространства и оказание всяческой поддержки проектам по развитию ВИЭ и прочей альтернативной энергетики.

того, что какие-либо европейские компании решатся поддерживать новые масштабные проекты добычи и поставки природного газа и жидких углеводородов (УВ), если их нельзя легко декарбонизировать.

Наверняка в недалёком будущем последуют и иные «экологически мотивированные» санкции против традиционных производителей УВ. Ряд экспертов указывает и на то, что спрос на газовое сырьё в ЕС должен стабилизироваться в течение текущего десятилетия, а затем, если Европа сумеет добиться успеха в планах по «климатической нейтральности», резко сократиться.

Евросоюз уже имеет некоторый избыток импортных мощностей, и его инструменты поддержки инфраструктурных проектов быстро меняются из-за всё той же «климатической нейтральности». Европейский инвестиционный банк уже объявил, что больше не будет поддерживать проекты, связанные с ископаемым топливом, а Еврокомиссия предлагает больше не поддерживать газовые проекты в рамках регламента *TEN-E*. Всё это означает отсутствие доступа к стабильному финансированию со стороны ЕС. В таких условиях и от частных энергетических компаний не следует ожидать высокого интереса к крупным проектам в топливно-энергетической сфере Центральной Азии.

Несмотря на озвучиваемые уже почти тридцать лет властями Республики Казахстан (РК) планы и разнообразные программы диверсификации и реиндустриализации экономики страны, основным локомотивом развития РК продолжает оставаться топливно-энергетический сектор, в первую очередь добыча и экспорт УВ на мировые рынки.

Республика остаётся классическим «петростейтом»: если в 1992 г. нефтедобыча составляла 25,8 млн т, то в 2018 г. объём добычи нефти и газового конденсата достиг рекордных 90,36 млн т. При этом около 60 % от полученного объёма УВ приходится на три крупнейших проекта — Тенгиз, Карачаганак и Кашаган, суммарная добыча на которых составила 53,9 млн т (104,7 % в сравнении с 2017 г.), в том числе на Тенгизе — 28,6 млн (103,3 % в сравнении с планом), Карачаганак — 12,1 млн (100,8 %) и Кашагане — 13,2 млн (120 %) ¹.

Как представляется, малые успехи в постоянно декларируемом властями РК намерении «слезть с нефтяной иглы» объясняются нежеланием и невозможностью сделать данный шаг. Изначально, ещё с момента публикации в 1997 г. программной работы «Казахстан — 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев», первый президент Н. Назарбаев обозначил ключевым ресурсом для реализации всех программ развития Казахстана углеводородное сырьё, которое, по его мнению, явля-

¹ Бозумбаев пошутил о своей тяжеловесности и заявил о выполнении плана Минэнерго на 100 % // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/201211726>, дата обращения 26.04.2021.

ется единственным средством получения необходимых инвестиций. Они, в свою очередь, станут драйвером развития смежных отраслей экономики, дадут толчок для развития всей казахстанской экономики [Назарбаев, 2012: 28].

Лидер нации указал: «Мы заключим долгосрочное партнёрство с главными международными нефтяными компаниями для привлечения лучших международных технологий, ноу-хау и крупного капитала, чтобы быстро и эффективно использовать наши запасы. <...> Наша стратегия по использованию топливных ресурсов направлена на привлечение интересов крупных стран мирового сообщества к Казахстану и его роли в качестве мирового поставщика топлива. В этом случае компании и страны, которые будут инвестировать средства в развитие нашего нефтегазового бизнеса, включают США, Россию, Китай, Японию, государства Западной Европы. Экономические интересы этих стран и компаний в экспорте наших ресурсов на регулярной и стабильной основе будут способствовать развитию независимого и процветающего Казахстана» [Назарбаев, 2012: 55–56].

Был сделан окончательный выбор в пользу форсированного роста добычи и продажи казахстанских энергоносителей на мировых рынках. Естественным стало то, что в результате большая часть месторождений нефти и иных природных ресурсов РК перешла в руки иностранных ТНК.

Данный выбор, как представляется, был оправдан для того времени: став самостоятельным, Казахстан мог предложить мировому рынку только продукцию своей добывающей промышленности. Однако даже такие приоритетные для РК отрасли производства имели низкую производительность, поскольку их промышленная база в массе оказывалась материально и морально устаревшей. Казахская нефть залегает на больших глубинах под солевыми слоями, в структурах со сложным геологическим строением. Жидкие УВ республики перенасыщены парафином и серой. Высокое содержание активного сероводорода в казахстанской нефти требует значительных затрат на транспортную инфраструктуру. Смолоасфальтеновые вещества и парафинированность большей части жидких УВ Казахстана требуют строительства очистительных установок, разбавления или нагрева и т. д.

Массированное и не слишком продуманное разгосударствление привело к значительным структурным перекосам в казахстанской экономике, продолжающим влиять на социально-экономическую сферу республики. Социальное самочувствие казахстанского общества в большей степени, чем у других государств региона, завязано на состоянии мировых нефтяных котировок. С ними же тесно связано состояние главной «подушки безопасности» страны – Национального фонда^{*}. Проблема в том, что, по мнению

^{*} Создан указом Н. Назарбаева в 2000 г. для аккумулирования доходов от экспорта энергоресурсов.

ряда казахстанских экономистов, дефицит государственного бюджета в РК становится постоянным, более того, бюджет находится на опасном уровне.

В 2020 г., согласно официальной статистике, его издержки были равны 16,7 трлн тенге, а доходы составили 14,5 трлн тенге, дефицит — 4 % от ВВП. При этом трансферы из Национального фонда и средства от вывозных пошлин на нефть составляют около 50 % от суммы всех поступлений, также сюда входят и дивиденды от государственных компаний.

«Катастрофический нефтяной дефицит бюджета раскрывает факт отсутствия 50 % необходимых средств. Выходит, что каждый второй израсходованный тенге в прошлом году не был заработан, его взяли в Национальном фонде или позаимствовали. <...> Ранее все основные зарубежные инвестиции шли в нефтяную отрасль, сейчас же будет их резкое сокращение, так как инвесторы заканчивают реализацию прежних проектов, но в новых участвовать не хотят» [Алиев, 2021].

По мнению известного казахстанского экономиста П. Своика, «в отличие от России, у Казахстана положение достаточно драматическое: Национальный фонд ещё с 2013 г. переведён в расходный режим. В благополучном ещё по нефтяным ценам 2019 г. текущий счёт платёжного баланса принёс минус 7,2 млрд долл. А в 2020 г. за три квартала было минус 3,8 млрд долл., и четвёртый квартал наверняка усугубил положение. В наступившем 2021 г., по оценке Национального банка, нас ждёт минус 5,7 млрд долл., а в следующем — минус 6,5 млрд долл.». При этом он уверен, что дополнительная валюта пойдёт не на проекты развития. «Речь идёт об элементарном поддержании внутренней стабильности, пока ещё остаются запасы Нацфонда»², — отмечает эксперт.

Казахстан дальше других соседей по региону продвинулся в реализации либеральной экономической модели. В частной собственности находится более 70 % казахстанских энергетических мощностей. Основными производителями УВ в республике являются иностранные компании [Годы, которые изменили... 2009: 82].

При этом экономическая динамика Казахстана позволила ему существенно опередить другие страны ЦА: на республику к 2019 г. приходилось более 60 % регионального ВВП, хотя там проживает лишь около четверти населения постсоветской Азии.

Казахстан является безусловным региональным лидером в области вовлечённости в мировую систему торговли энергетическими ресурсами. В силу этого РК со своим сырьевым потенциалом расположена на стыке интересов США, России, ЕС и Китая. Каждый из мировых центров силы заинтересован в максимизации собственной выгоды от сотрудничества

² К спасению бюджета Казахстана подключился ОПЕК+ // <https://365info.kz/2021/01/k-spaseniyu-byudzheta-kazahstana-podklyuchilsya-opek-svoik>, дата обращения 10.04.2021

с Нур-Султаном. Китаю нужен импорт нефти, газа и урана, России — чтобы казахские жидкие УВ не создавали чрезмерной конкуренции российскому сырью на рынке Евросоюза, США заинтересованы в сохранении доминирующих позиций американских ТНК в ключевых казахстанских энергетических проектах, а также, в перспективе, в установлении контроля за точками выхода каспийских энергоресурсов на мировые рынки.

Ситуация в Казахстане представляет особый интерес в силу того, что республика:

- пока остаётся экономическим лидером Центральной Азии;
- располагает крупнейшим в регионе сырьевым потенциалом и в максимальной степени включена в мировую систему торговли энергоресурсами;
- наряду с Узбекистаном является региональным центром, вовлечённым в область геополитических и геоэкономических стратегий и интересов различных акторов международной политики.

До периода обострения мировых политических процессов в начале второго десятилетия XXI в., на прежнем этапе развития международных отношений, Казахстану в той или иной степени удавалось удовлетворить каждую из сторон, извлекая из этого выгоду. Многовекторная внешняя политика и, откровенно говоря, «паразитирование» на противоречиях мировых и региональных держав демонстрировали преимущественно положительные результаты, а ошибки и провалы удавалось купировать дипломатической игрой, различными уступками или «заливать нефтедолларами». После серии мировых экономических и финансовых кризисов, а также падения цен на сырьевых рынках пространство для манёвра для РК начало сужаться. Этот процесс продолжается и, по оценкам ряда казахстанских независимых экспертов, приобретает в последние два — три года дополнительную динамику за счёт множества новых (пандемия *COVID-19*, начало транзита высшей власти и пр.), налагающихся на традиционные для Казахстана проблемы.

В течение всего 2020 г. наблюдались процессы общей разбалансированности управленческой и административной систем Казахстана. Продолжающийся и не имеющий чётких временных и организационных рамок процесс транзита власти снижает эффективность работы политической системы РК, дробит и дезорганизует элиты в центре и на местах, провоцируя их взаимную борьбу.

Традиционной для Казахстана проблемой остаётся слаборазвитость сектора переработки УВ внутри страны. Расширение мощностей нефтеперерабатывающей промышленности неоднократно на официальном уровне объявлялось в стране одной из основных задач для снижения сырьевой зависимости РК. Это позволило бы, перерабатывая УВ, увеличить выпуск продукции с высокой добавленной стоимостью, экспортировать готовую

продукцию, а не сырьё и сократить импорт, обеспечивая национальную промышленность собственным высокотехнологичным продуктом. Технологически развитый топливно-энергетический сектор, таким образом, позволил бы реализовать эффективную политику диверсификации казахстанской экономики.

Тем более что в регионе имеется опыт Узбекистана, который уже ввёл в строй мощности по производству полимерной продукции — Шуртанский газохимический комплекс (ГХК) и крупнейший в ЦА Устюртский ГХК (в состав комбината входят пять заводов — по разделению газа, производству этилена, полиэтилена, полипропилена и обеспечению энергоресурсами, проектная мощность ГХК по сырью составляет около 4,5 млрд куб. м, выпуск — до 3,5 млрд куб. м газа и 500 тыс. т химической продукции³). Наращивание Узбекистаном мощностей по переработке УВ является отражением общемировых тенденций: Иран, несмотря на жёсткое санкционное давление, в 2000—2015 гг. нарастил мощности национальной нефтехимии в 7 раз, Катар — в 5 раз, государства Азиатско-Тихоокеанского региона (несмотря на отсутствие у ряда стран АТР собственной сырьевой базы УВ) — почти в три раза. В Казахстане же ничего подобного не происходит, крупных предприятий нефтехимии нет и полимерная отрасль отсутствует. Иллюстрацией сложившейся ситуации является реализация принятого ещё в 2005 г. решения о строительстве в Атырауской области первого в РК интегрированного ГХК на базе нефтяных попутных газов месторождений Тенгиз, Карачаганак и Кашаган. Суперпроект стоимостью 6,3 млрд долл., призванный обеспечить производство базовой нефтехимической продукции (500 тыс. т полиэтилена и 800 тыс. т полипропилена), как пишут эксперты, просто «завис» [Смирнов, 2019: 2].

С большим трудом после двух десятилетий различных обсуждений в Казахстане смогли решить проблему самообеспечения ГСМ, завершив (с привлечением инвестиций КНР) в 2018 г. реконструкцию трёх отечественных НПЗ. До этого от 30 до 45% топлива приходилось закупать у России. То есть, несмотря на небольшое население и значительные запасы УВ, а также многолетние попытки «возродить машиностроение» и множество разнообразных стратегий, казахстанская обрабатывающая промышленность стагнирует.

В конечном итоге данное положение логично, поскольку действующая налоговая система РК стимулирует в соответствии с изначально принятой властями стратегией не приток сырья в глубокую переработку, а его экспорт.

³ Путь к свету: как Узбекистану стать энергетическим лидером в Центральной Азии // <https://podrobno.uz/cat/economic/put-k-svetu-kak-uzbekistanu-stat-energeticheskim-liderom-v-tsentralnoy-azii/>, дата обращения 10.05.2021.

К весьма серьёзным проблемам в топливно-энергетической сфере на сегодняшний день можно отнести не только низкий коэффициент извлекаемости УВ (традиционная проблема постсоветских азиатских республик), но и острый дефицит профильных кадров (молодые специалисты, подготовленные в рамках различных программ («Болашак» и пр.), как правило, некомпетентны во многих отраслевых вопросах и ориентированы лишь на «эффективный менеджмент»). Если в Советском Союзе кадровая политика являлась одной из ключевых составляющих развития нефтегазовой отрасли, то в суверенном Казахстане профессиональных нефтяников в руководстве топливно-энергетического комплекса сейчас почти не осталось, а кадровая политика в «нефтянке» республики носит ярко выраженный кланово-семейный характер [Грозин, 2019]. Впрочем, ситуация превращения нефтегазовой сферы в герметичную зону монопольного влияния и контроля высшей элиты в не меньшей мере характерна и для Узбекистана с Туркменистаном.

Значимой тенденцией, отличающей ситуацию в казахстанском топливно-энергетическом секторе от аналогичной узбекской, является заметное изменение в балансе иностранных ТНК, работающих в сфере производства УВ. Китайским компаниям удалось в исторически короткий период времени изменить ситуацию безусловного доминирования западных энергетических корпораций, сложившуюся в течение первых лет суверенного существования Казахстана. В Узбекистане же наблюдается диверсификация иностранных ТНК при некотором доминировании российских энергетических гигантов (ПАО «Газпром» и ПАО «ЛУКОЙЛ»). Однако это положение российского бизнеса не настолько абсолютно, каковым казались позиции американцев и европейцев в РК в 90-е годы XX в.

Значительная обеспеченность китайского бизнеса финансовыми ресурсами и его деятельность в тесной координации с государственными структурами позволили китайским компаниям менее чем за десятилетие довести свою долю в Казахстане с нулевой отметки до более чем четверти всей казахстанской добычи жидких УВ.

Только в ходе визита председателя КНР Си Цзиньпина осенью 2013 г. по четырём странам ЦА было подписано контрактов (меморандумов) на общую сумму более 60 млрд долл. В Казахстане состоялась сделка на сумму 5 млрд долл. [Алымбеков, 2019]. Этот контракт стал одним из наиболее серьёзных успехов экономической политики Пекина: благодаря покупке *China National Petroleum Corporation (CNPC)* у национальной компании «КазМунайГаз» (КМГ) 8,33 % месторождения Кашаган, чьи геологические запасы жидких УВ оценивают в более чем 4,8 млрд т [Кондратьев, 2020], КНР удалось занять значительные позиции в энергетических проектах Каспийского региона — не только в Туркмении, но и в Казахстане.

Ещё в 2014 г. ряд казахстанских СМИ озвучили информацию о том, что доля компаний КНР в казахстанской нефтяной отрасли в 2013 г. пре-

высит 40 %. Согласно же официальным данным того периода, доля НК «КазМунайГаз» как мажоритарного акционера в АО «Разведка Добыча КМГ» оставалась неизменной и составляла 57,9 %, а доля *China Investment Corporation* не превышала 11 %. Хотя критики отмечали, что имелись ещё и непоименованные миноритарные инвесторы АО «РД КМГ», чья доля акций (31 %) находилась в свободном обращении и теоретически могла принадлежать и китайским ТНК. Поэтому критики партнёрства Нур-Султана и Пекина не доверяют официальным оценкам. Например, известный в РК национал-патриот Расул Жумалы, повторяя распространённые в социальных сетях мнения о рисках, связанных с усилением влияния китайского бизнеса в энергетическом секторе РК до 40 %, намекает на коррупционную составляющую, имеющую якобы место в переговорах с КНР по базовым контрактам [Алимов, 2014].

В то же время ведущий до недавнего времени казахстанский синолог, профессор Константин Сыроежкин предлагал обратить внимание и на других иностранных инвесторов в энергетический сектор Казахстана. «Активное наращивание присутствия началось в 2003 г., и за эти 10 лет с 4 процентов до 24, так скажем, выросла чистая добыча для Китая нефти, по газу где-то с 3 процентов до 13 — то есть за 10 лет существенный прирост. Но есть несколько «но». <...> Почему-то ни у кого не вызывает страхов, насколько велико американское присутствие. Две компании в нефтянке — это чистые 40 процентов, а в газе — 65, и никто не говорит об американской экспансии»⁴, — отмечал Сыроежкин.

При этом, по оценке казахстанского синоведа, контракты на недропользование, заключённые с компаниями КНР, на порядок лучше, чем аналогичные с западными ТНК. В отличие от западного бизнеса, работающего на условиях до настоящего времени нигде не опубликованных СРП, компании Китая работают в соответствии с налоговым законодательством Казахстана. Отличается от принятой иными инвесторами в РК и практика создания на базе предприятий, покупаемых китайскими ТНК в республике, казахстанско-китайских СП. Данный формат при его эффективном использовании, безусловно, выгоден для экономики и социальной сферы Казахстана.

В целом ключевой проблемой развития республики всё большее количество казахстанских экспертов называют «предел» прежней экономической стратегии, её исчерпанность. Как пишет российский эксперт Сергей Смирнов, «валютно-сырьевой поток оставил в Казахстане помпезную Астану (ныне Нур-Султан), массу торгово-развлекательных центров и крайне

⁴ Мифы и реальность китайского «присутствия» в Казахстане // <https://stanradar.com/news/full/6082-mify-i-realnost-kitajskogo-prisutstvija-v-kazahstane.html>, дата обращения 27.04.2021.

мало высокотехнологичных производств. Недофинансирование секторов экономики, не вовлечённых в добычу и продажу энергоносителей, привело к тому, что экспорт продукции высоких переделов (обеспечивая существенно более высокий, чем нынешний, уровень жизни населения) практически отсутствует. Сегодня три четверти выручки от продажи сырья тратится на закупку иностранных промышленных и продовольственных товаров» [Смирнов, 2020].

Даже в случае стабильного и долгосрочного повышения мировых цен на УВ для Казахстана увеличение валютной выручки при сохранении существующей базовой модели развития, основанной на вывозе сырья, не станет спасением. Бюджетный дефицит будет расти, и его всё сложнее будет постоянно компенсировать трансферами из сокращающегося Национального фонда или за счёт внешних заимствований. Единственной реальной альтернативой видится активизация экономического развития РК через развитие значимых индустриальных проектов в рамках Евразийского экономического союза. Без развитой национальной промышленности и производственной кооперации стране будет сложно противостоять текущей социально-экономической деградации и глобальным геополитическим и геоэкономическим вызовам*.

* Общие выводы о рисках для развития топливно-энергетических секторов экономик Казахстана, Узбекистана и Туркмении будут отражены в следующей части исследования (Прим. ред.).

Список литературы

Годы, которые изменили Центральную Азию, 2009 / Под ред. И. Д. Звягельской; Центр стратегических и политических исследований Института востоковедения РАН. М. 332 с.

Назарбаев Н., 2012. Казахстан-2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана (10 октября 1997 г.) // Стратегия независимости. Алматы: ИД «Жибек жолы», 324 с.

Грозин А. В., 2019. История и современное состояние внутриэлитной сферы и ТЭК Казахстана // Геоэкономика энергетики. № 2 (6). С. 146–163.

Алиев Н., 2021. Затыкание дыр средствами из Нацфонда не спасёт казахстанский бюджет // <https://ehonews.kz/zatykanie-dyr-sredstvami-iz-natsfonda-ne-spaset-kazahstanskij-byudzheth/>, дата обращения 15.05.2021.

Алимов М., 2014. Убить дракона... в себе // <https://camonitor.kz/13545-ubit-drakona-v-sebe.html>, дата обращения 15.05.2021.

Алымбеков М., 2019. Кыргызстан и Великий шёлковый путь: сочетаемость концепций // <http://old.kabar.kg/kabar/full/83451>, дата обращения 29.10.2019.

Кондратьев В., 2020. Как Китай укрепляется на Каспии // <http://vzglyad.az/news/103101>, дата обращения 15.05.2021.

Мелибаев Н., 2019. Регион оптом. Что мешает странам Центральной Азии привлекать иностранные инвестиции // <https://fergana.media/articles/105958>, дата обращения 15.05.2021.

Смирнов С., 2019. Казахстан: разрыв в развитии регионов, увы, продолжает расти // <https://www.ritmeurasia.org/news-2019-08-06-kazakhstan-razryv-v-razviti-regionov-uvy-prodolzhaet-rasti-44182>, дата обращения 15.05.2021.

Смирнов С., 2020. Казахстан снижает экспорт газа в Китай // <https://www.ritmeurasia.org/news-2020-05-28-kazakhstan-snizhaet-eksport-gaza-v-kitaj-49224>, дата обращения 15.05.2021.

Бозумбаев пошутил о своей тяжеловесности и заявил о выполнении плана Минэнерго на 100 % // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/201211726>, дата обращения 26.04.2021.

К спасению бюджета Казахстана подключился ОПЕК+ // <https://365info.kz/2021/01/k-spaseniye-byudzheta-kazahstana-podklyuchilsya-opek-svoik>, дата обращения 10.04.2021.

Мифы и реальность китайского «присутствия» в Казахстане // <https://stanradar.com/news/full/6082-mify-i-realnost-kitajskogo-prisutstvija-v-kazahstane.html>, дата обращения 27.04.2021.

Путь к свету: как Узбекистану стать энергетическим лидером в Центральной Азии // <https://podrobno.uz/cat/economic/put-k-svetu-kak-uzbekistanu-stat-energeticheskim-liderom-v-tsentralnoy-azii/>, дата обращения 10.05.2021.

Andrey V. GROZIN,

Candidate of Historical Sciences, head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS countries, senior researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

STATE, PROBLEMS AND RISKS OF THE ENERGY SECTOR DEVELOPMENT IN THE CENTRAL ASIAN REPUBLICS Part 1: Kazakhstan

DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_111

Received: 20.05.2021.

For citation: *Grozin A. V., 2021. State, Problems and Risks of the Energy Sector Development in the Central Asian Republics. Part 1: Kazakhstan. – Geoeconomics of Energetics. № 2 (14). P. 111–123. DOI: 10.48137/2687-0703_2021_14_2_111*

Keywords: Central Asia, Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, Russia, China, Turkey, USA, energy, gas, oil, fields.

Abstract

In the series of articles, the author analyzes recent domestic and foreign policy trends that significantly affect the current state and prospects for further development of the fuel and energy sectors of Kazakhstan, Uzbekistan and Turkmenistan – the Central Asian states with significant reserves of hydrocarbon raw materials. This article is devoted to the current situation in the fuel and energy sector of the Republic of Kazakhstan.

The unfolding process of aggravation of geopolitical and geo-economic competition on the world stage significantly increases the level of risks, actualizes the previous and generates new problems of economic development of the Central Asian republic. The author assesses the impact of these processes on the prospects of foreign policy and foreign economic development strategies and regional stability. Separately, the author considers and evaluates the main problems existing in the fuel and energy complex of the republic, and indicates promising areas for their possible resolution and mitigation.

In the context of global geopolitical turbulence, the region, which faces numerous challenges and threats to economic and socio-political stability, finds itself in a situation of excessive dependence on global players in the global geo-economic field. Consequently, such a region will have to adjust the previously established models of economic development and foreign policy positioning.

References

The Years that Changed Central Asia, 2009 / Ed. I. D. Zvyagelskaya; Center for Strategic and Political Studies of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. M. 332 p. (In Russ.)

Nazarbayev N., 2012. Kazakhstan-2030: Prosperity, security and improving the well-being of all Kazakhstanis: Address of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan (October 10, 1997) // Independence strategy. Almaty: Zhibek Zholy Publishing House. 324 p. (In Russ.)

Grozin A. V., 2019. History and current state of the intra-elite sphere and fuel and energy complex of Kazakhstan // Geoeconomics of Energetics. № 2 (6). P. 146–163. (In Russ.)

Aliiev N., 2021. Plugging holes with funds from the National Fund will not save the Kazakh budget // <https://ehonews.kz/zatykanie-dyr-sredstvami-iz-natsfonda-nespaset-kazahstanskij-byudzheta/>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

Alimov M., 2014. Kill the dragon... in itself // <https://camonitor.kz/13545-ubit-drakona-v-sebe.html>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

Alymbekov M., 2019. Kyrgyzstan and the Great Silk Road: compatibility of concepts // <http://old.kabar.kg/kabar/full/83451>, accessed 29.10.2019. (In Russ.)

Kondratev V., 2020. How China is strengthening in the Caspian Sea // <http://vzglyad.az/news/103101>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

Melibaev N., 2019. Region wholesale. What prevents Central Asian countries from attracting foreign investment // <https://fergana.media/articles/105958>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

Smirnov S., 2019 Kazakhstan: the gap in the development of regions, alas, continues to grow // <https://www.ritmurasia.org/news-2019-08-06-kazakhstan-razryv-v-razviti-regionov-uvy-prodolzhaet-rasti-44182>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

Smirnov S., 2020. Kazakhstan reduces gas exports to China // <https://www.ritmurasia.org/news-2020-05-28-kazakhstan-snizhaet-eksport-gaza-v-kitaj-49224>, accessed 15.05.2021. (In Russ.)

Bozumbayev joked about his heaviness and announced the implementation of the plan of the Ministry of Energy for 100 % // <https://news.myseldon.com/ru/news/index/201211726>, accessed 26.04.2021. (In Russ.)

OPEC + joined the rescue of the budget of Kazakhstan // <https://365info.kz/2021/01/k-spaseniya-byudzheta-kazahstana-podklyuchilsya-opek-svoik>, accessed 10.04.2021. (In Russ.)

Myths and reality of the Chinese «presence» in Kazakhstan // <https://stanradar.com/news/full/6082-mify-i-realnost-kitajskogo-prisutstvija-v-kazahstane.html>, accessed 27.04.2021. (In Russ.)

The Path to Light: how Uzbekistan can become an energy leader in Central Asia // <https://podrobno.uz/cat/economic/put-k-svetu-kak-uzbekistanu-stat-energeticheskim-liderom-v-tsentralnoy-azii/>, accessed 10.05.2021. (In Russ.)